

# ВСТРЕЧА С ПРОКОФЬЕВЫМ

ПИАНИСТ вышел на сцену, поклонился в бующую аплодисментами зал и сел за рояль. Обычно после этого говорят: воцарилась тишина. Но сейчас она не успела воцариться настолько, чтобы слушатели успели сосредоточиться, настроиться на музыку. Он только сел — и руки, взлетев с колен молниеносным движением, бросились в клавиатуру рояля. Врыв необычайной энергией...

Вторая соната Прокофьева. Я слушаю ее впервые, как, впрочем, и Четвертую, и Шестую, которые включил в свой концерт Святослав Рихтер. Признаться, я побавлялся, иля второго мая в Большой зал Консерватории, Прокофьев есть Прокофьев. Я знаю немало людей, правда, не музыкантов по профессии, которые совершенно серьезно считают, что он не для них — слишком сложен, а потому и неинтересен. С этим мнением нельзя не считаться уже хотя бы по той причине, что оно существует. До сегодняшнего дня я тоже отчасти подвержен ему. И в это «отчасти» попало не так уж мало, и в том числе его фортепианная музыка. Шестую сонату, кажется, я все-таки однажды слушал в исполнении Вана Клиберна по телевидению. Помню, был совершенно очарован манерой игры, артистическим обликом пианиста, но из сонаты не запомнил ни одной ноты.

Я могу сказать, что люблю музыку Прокофьева. Например, к фильму «Александр Невский». И Седьмую симфонию, переполненную мелодиями, из которых одна прекраснее другой. Нравятся отдельные номера из многих его крупных сочинений. Да всего не перечислишь! И все-таки Прокофьев разный: то лиричный и простой, то сложный и непонятный. Смушало еще одно обстоятельство чисто объективного порядка. Почитайте биографию композитора. Пожалуй, не найти музыкального имени в начале нашего века в России, которое не склонялось бы критикой более ожесточенно, чем имя молодого Сергея Прокофьева. Конечно, были сильные голоса и за него, например Б. Асафьева и Н. Мясковского. Глазунов, тогда директор консерватории, демонстративно покинул зал во время исполнения «Скифской сюиты», которой дирижировал двадцатичетырехлетний автор.

И вот сейчас Святослав Рихтер исполняет сонату, написанную в те же годы. Я не могу четко разобраться в потоке ее тем и эпизодов: она просто ошеломляет напором высвобождающейся энергии. Однако замечаю личную мелодию второй темы из первой части, задумчивый настрой третьей. Побеждает же все самый тон произведения, его заразительно-задорное настроение. Звуковые краски пестры и порой даже резки. Но, оказывается, с ними можно смириться. Они словно превращения солнечного света. А оно ведь бывает и яростным, и палющим.

Накануне концерта я прочитал воспоминания Рихтера о встречах с Прокофьевым и его музыкой. Однако, по признанию пианиста, далеко не все сказано в этих мемуарах. «Играя Прокофьева, я в какой-то степени исчерпываю то, что мог бы сказать о нем словами», — пишет Рихтер. И вот сейчас он рассказывает музыкой Прокофьева о ее авторе. Невольно бросаются в глаза поразительная внешняя простота и спертанность чувств в исполнении. Никаких в общем-то привычных для пианистов обычных переживаний музыки. По воспоминаниям очевидцев я знаю, что и у Прокофьева была такая же манера исполнения — без всякого внешнего эффекта, без лишних движений и какого бы то ни было преувеличенного выражения чувств.

Поэт Василий Каменский, вспоминая встречу с Прокофьевым в московском «Кафе поэтов», где композитор исполнял свои сочинения для Маяковского и его друзей, писал: «...Ну и темперамент у Прокофьева!.. Подобное совершается, быть может, раз в жизни, когда видишь, ощущаешь,

что мастер «безумствует» в сверхэкстазе, будто идет в смертную атаку, что этот натиск больше не повторится никогда».

И когда я слушал финал сонаты, у меня создалось то же впечатление. Оно исходит от музыки, от невероятного рихтеровского исполнения. Наверное, в этом превращении и заключается волшебство настоящего мастера.

Выступление Святослава Рихтера посвящено памятной дате — 75-летию со дня рождения Прокофьева. Может, поэтому пианист выбрал сонаты из разных периодов жизни композитора? Ведь Вторую и Четвертую от Шестой отделяют десятки лет. Огромный отрезок творческой биографии. Я считаю, что мне повезло: удастся разом «пробежать» чуть не всего Прокофьева. Но одно непонятно, почему выбраны две сонаты композитора молодых лет? Загадка стала проясняться, когда началась Четвертая соната. Заразительное буйство красок, гармоний, переполнившее предыдущую сонату, в Четвертой словно отошло на второй план. Нечто новое — волевое, сильное и вместе с тем сосредоточенное и серьезное стало главным здесь. Это уже другой Прокофьев. В первой части энергия, не раскрываемая до конца, словно сдерживается мощной рукой. Вторая уже не требует этого укрощающего усилия. Скорее, наоборот. Начинается она в нижнем регистре, как будто из глубины сознания. Звуковые краски приглушены. Пианист оцепенел, задуравшись над клавиатурой. Постепенно просветляясь, медленно развеваясь, наплывает дума. Она не отпускает вашего внимания ни на минуту.

Эта соната — одна из любимых Святослава Рихтера. Не потому ли, что в ней большой простор для размышлений о жизни, философского углубления в себя? Любопытна история ее создания. У нее есть подзаголовок, сделанный композитором: «Из старых тетрадей». В 1908 году в консерватории он начал писать новую сонату, но не закончил и забросил работу на неопределенное время. В том же году сочинил Прокофьев и новую симфонию. Однако ее судьба оказалась несчастливой. Через несколько лет, взглянув на эти свои юношеские сочинения, композитор вдруг увидел, что первая часть сонаты и Анданте из симфонии как будто созданы друг для друга. Так родились две части новой — Четвертой сонаты. Осталось дописать третью часть — финал, который был начат еще в консерватории. Но он, видимо, никак не поддавался. Нужно было найти логически законченный выход глубоким и серьезным размышлениям о жизни, которые легли в основу первых двух частей.

И вот Святослав Рихтер играет финал. Кажется, целый сноп света ворвался в зал. Пожалуй, такое заключение произведения особенно понятно сейчас. Но в нем чувствуется не только отдохновение от сложных переживаний предыдущих частей, не только радостный вихрь. Музыка этой части несет в себе нечто более важное. Какой-то взволнованный монолог. Вспомним, при каких обстоятельствах композитор сочинял ее. Это была осень 1917 года! Прокофьев жил в это время в Кисловодске. Из Петрограда пришли известия об Октябрьской революции, и он решил немедленно ехать в столицу. «Но пришел поезд с разбитыми окнами, из которого выпала испуганная буржуазия», — вспоминал в автобиографии композитор. Ему сказали, что он сошел с ума, что в Москве и Петрограде стреляют и что он вообще не доедет. Кисловодск был в руках белых. Так вот она, буря финала — пред-

чувствие нового, свежий ветер революции. Пусть не все еще было ясно в происходящих событиях молодому композитору, но его творчество этих лет само выражало оптимистическое восприятие жизни, было ясным лучом на фоне упадочнических настроений большей части буржуазной интеллигенции. Не случайно в 1918 году А. Луначарский сказал ему: «Вы революционер в музыке, а мы в жизни — нам надо работать вместе».

Мелодии в сочинениях существуют не сами по себе. Они несут определенную мысль автора, отражают его восприятие жизни. А если и мысль, и жизнь другие? Можно ли бурное революционное наступление двадцатого века выразить одними плавными, певучими мелодиями? Если творец сам, под стать эпохе, имеет характер новатора, не любящего проторенных путей? Если и ритм, и темп жизни другой, если противоречия классов достигли гигантских масштабов? Если все это носится в воздухе, и этим воздухом дышит художник? Тогда, очевидно, и рождаются такие творцы, как Прокофьев.

И вот что самое поразительное. Для нашего уха — людей середины двадцатого века, немудрячков — ужасного впечатления не производят те произведения Прокофьева, исполнение которых когда-то приводило к подлинным скандалам. Вспомним ту же «Скифскую сюиту». Недавно я прослушал ее. Возмущен не был. Больше того, просто понравилась. Очевидно, здесь не нужно искать того, чего заведомо нет, как, впрочем, и в других сочинениях. Как-то Прокофьев сказал, что один и тот же композитор может думать то сложно, то просто. Да, каждый замысел рождает и свой характер воплощения. Значит, нужно учиться понимать сложную музыку, чтобы, научившись, разделять вместе с автором его большие мысли и глубокие чувства.

Прокофьева нужно понимать так, какой он есть. Учиться его слушать. А то можно просто потерять почву под ногами при первых же звуках такой сонаты, как, например, Шестая.

Святослав Рихтер, первый исполнитель этого сочинения после автора, так определяет смысл сонаты: «С варварской смелостью композитор порывает с идеалами романтики и включает в свою музыку сокрушающий пульс XX века». Я призываю на помощь биографию Прокофьева. Да, этот пульс, пожалуй, еще и зловещий. Композитор начал сочинять сонату в 1939 году, а закончил в 1940. Коричневая чума германского фашизма уже разползлась по Европе — началась вторая мировая война. И в музыку не могло не проникнуть это нашествие злых сил и тревога за судьбы мира...

Кончилась первая часть. Из этой черной глубокой бездны начинается подъем, возвращение к жизни, к ее смыслу. Вторая часть — Аллегretto — более уравновешенная, просветленная. Третья — в темпе очень медленного вальса. Вся она — успокоение и задумчивость. Но этого мало. Пасивностью не восстановить равновесия. Нужно сильное противодействие той, первой теме, чтобы окончательно победить ее, подняться над ней. И тогда наступает четвертая часть — финал. Снова порыв. Но в нем уже не внешний блеск изобретательного финала Второй сонаты, не взволнованное предчувствие Четвертой. Гордая вера в торжество света, воля, которая становится почти осязаемой силой. Победа жизни. Таким мне кажется смысл финала Шестой сонаты.

Овацям не было конца. Очень любят Святослава Рихтера москвичи. Да и не только москвичи. Концерты пианиста везде выливаются в праздник музыки. Я же ему особенно благодарен за то, что он открыл для меня в этот день замечательного композитора. И кто знает, сколько было в зале людей, которых замечательный пианист навсегда подружил с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым.

Г. ПОЖИДАЕВ,  
офицер.